

Паремии в тексте якутского эпоса: семантика и функции

Семен С. Макаров

*Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Москва, Россия, others3@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности использования паремий в текстах якутского героического эпоса олонхо: определяется круг наиболее характерных для жанра пословичных выражений, описывается их семантика и способы введения в повествовательный текст. Прослеживаются функции паремийного выражения как на уровне моделируемых в сюжетах речевых актов, так и в повествовательном плане. Автор высказывает предположение о том, что частотность употребления паремийных выражений в текстах эпоса находится в связи со свойственным жанру стремлением к архаизации речи персонажей. В работе использован корпус, учитывающий практически все опубликованные на сегодняшний день сюжеты якутского эпоса, показательный, как представляется, для жанра в целом.

Ключевые слова: паремии, героический эпос, олонхо, пословица, устная традиция, якутский фольклор

Для цитирования: Макаров С.С. Паремии в тексте якутского эпоса: семантика и функции // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 4. С. 55–67.

Proverbs in Yakut epic tales: semantics and functions

Semyon S. Makarov

*A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science,
Moscow, Russia, others3@mail.ru*

Abstract. This paper is dedicated to proverbs in the texts of the Yakut heroic epic Olonkho. The author depicts the most commonly found proverbs, analyzes their semantics and ways of embedding in the narrative text. The functions of proverbs are traced both at the level of the speech acts modeled in the plots and at the narrative level. It is asserted that the high frequency of proverbs in the texts of this epic genre is connected to the inherent desire of Olonkho singers to

© Макаров С.С., 2019

archaize the speech of the characters. The paper is based on the corpus of texts which includes practically all the plots of Yakut epics published to date and is, it seems, representative of the genre as a whole.

Keywords: proverbs, epic genre, Olonkho, adage, oral tradition, Yakut folklore

For citation: Makarov SS. Proverbs in Yakut epic tales: semantics and functions. *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series.* 2019;4:55-67.

Заметной чертой стиля якутского эпоса является насыщенность его текстов паремиями. Выражения, заключающие в себе некоторое аподиктическое суждение и имеющие относительно стабильную словесную форму, встречаются здесь как в речи персонажей, так и в собственно повествовательной части текста¹. Представляется, что их частотность в олонхо несколько выше, чем это характерно в среднем для обыденного разговорного дискурса². Вызывают интерес причины столь активного использования паремий в эпическом жанре и выполняемые ими в этом специфическом узусе функции. Этим вопросам и посвящена настоящая статья.

Вначале имеет смысл сделать методологическое уточнение, касающееся принципов выделения материала. Под паремиями я буду понимать повторяющиеся словесные комплексы, выраженные предложениями и содержащие в себе суждение, которое апеллирует к авторитету безличного коллективного опыта³. Полученный круг текстовых фрагментов мог бы быть описан в терминах *пословица* и *поговорка*, довольно прочно утвердившихся в российской филологии. Однако введение подобного разграничения не имеет в моем случае принципиального значения. Как известно, границы жанровых разновидностей паремий не являются застывшими, но имеют динамичный характер, а специфика конкретного их употребления часто определяется лишь в контексте [2 с. 11].

¹ Замечания относительно включения паремий в тексты олонхо высказывались уже в первых работах, посвященных поэтике якутского эпоса [1], однако их функционирование в этом жанре еще не становилось предметом специального исследования.

² Отсутствие на момент написания работы корпуса устной якутской речи делает невозможным эмпирическое подтверждение этого предположения.

³ В этом, к слову, состоит значимое отличие паремий от других речевых единиц, имеющих клишированную структуру, например фразеологизмов [2 с. 13–14].

Поиск подобных текстовых фрагментов проводился среди записей 55 сюжетов олонхо. Строго говоря, этот корпус не является нормализованным отображением традиции и не может быть таковым: фиксация текстов якутских олонхо проводилась в разное время и в различных локальных вариантах традиции. Некоторое число записей (большинство полных сюжетов) впоследствии было опубликовано и в силу этого является доступным для интерпретации. Незначительный процент корпуса представляют выписки неопубликованных текстов, выполненные мной вручную. Предлагаемые заметки построены на результатах синхронного рассмотрения этого массива текстов.

Отметим, что сама устная природа анализируемого материала, условия бытования которого позволяют ему реально существовать только в момент произнесения, делает невозможными точные количественные наблюдения. Любой элемент фольклорного текста, как кажется, может быть охарактеризован лишь в категориях большей или меньшей характерности.

Сказанное не отменяет осмысленности поиска паремийных выражений, представленность которых в текстах якутского эпоса была высокой. Представлю варианты восьми наиболее употребительных в моем корпусе речений в виде таблицы (частотой от 6 до 23 вхождений). В ней можно увидеть варианты паремийных текстов и некоторые контексты их появления.

Менее характерными оказываются выражения: «у хорошего человека одно слово и одно намерение» (*бэрт киһи эппит тыла биир, санаабы санаата соботох*), «хороший человек имеет широкие глаза и уши» (*бэрт киһи кулгааҕа-хараҕа киэн буолар*), «следы жилья имеют пень, заброшенное жилище – память» (*өтөх төһүргэстээх, сурт кэриэстээх*) (4 вхождения), «старение мучительно, дряхление приносит страдание» (*кырдьар диэн кыһалзалаах, сорсуйар диэн сордоох*) (3 вхождения) и некоторые др.

Паремии примечательны как фрагменты текста, в которых находит непосредственное выражение этическая и дидактическая ориентация жанра. Как можно заметить, тематический диапазон «основного круга» паремий, обнаруживаемых в текстах олонхо, довольно узок и, по всему, отражает транслируемую жанром специфическую аксиологию. Обращает внимание, что в полученном списке текстов – высказывания, утверждающие отзывчивость, немногословие, приоритет поступков над речами, слабость женщины, верность данному слову и самоотверженность.

Тексты паремий в записях олонхо

Текст	Кол-во в корп.	Перевод	Субъект речи	Сюжетная ситуация употребления	Функция в речевом акте
1.1. Бэрт киһи өтүгэ үүттээх, ааттаах киһи этэ саастаах ⁴	23	У хорошего человека – вертлоги с впадиной, у отменного человека тело слоистое	Кузнец Кыдай Махсыын	В оправдательной речи, адресованной герою	Побуждение соответствовать декларируемой модели
1.2. Санна сайаҕас, өтүгэ үүттээх ⁵		[У нее] плечи мягкие, вертлоги с впадиной	Шаманка Айыы Умсуур	Наставление герою: слушать советы жены	Побуждение соответствовать декларируемой модели поведения – быть внимательным и восприимчивым к словам других людей

⁴ Дуяков Г.В. Кыыс Дьуурайа бухатыыр: олонхо. Якутск: Бичик, 2011. С. 121.

⁵ Оросин К.Г. Нюргун Боотур Стремительный: олонхо. Якутск: ЯКГИЗ, 1947. С. 354.

<p>2.1. Олонхо буолан баран – обуннаах буолар эбит, Тыл буолан баран сымыйалаах буолар эбит, Кэпсээн буолан баран чалларыннаах буолар эбит⁶</p>	16	<p>Всякое олонхо с преувеличением бывает, оказывается. Всякое слово с привиранием бывает, оказывается, всякий рассказ приукрашенным бывает, оказывается</p>	Сказитель	Оживление богатыря айбы небесными шаманками	Пояснение описываемых сюжетных событий
<p>2.2. Олонхо буолан баран обуннаах буолар; сэхэн буолан баран – албыннаах буолар⁷</p>		<p>Всякое олонхо с преувеличением бывает; всякий рассказ с вымыслом бывает</p>	Сказитель	Чудесный рост героя в утробе матери	Пояснение описываемых сюжетных событий
<p>3.1. «Алгыс баһа сылаах, кырыыс баһа хааннаах буолар» дииллэр...⁸</p>	13	<p>Говорят, алгыс озаглавлен жиром, а проклятие – кровью...</p>	Шаманка айбы Айбы Умсуур	В благопожелании богатырю айбы Ньургун Боотуру	Обоснование действий говорящего
<p>3.2. Кырыыс баһа кыланнын, алгыс баһа хааннаннын⁹</p>		<p>Пусть проклятие озаглавится кровью, пусть алгыс озаглавится кровью</p>	Родители жены героя	В проклятии зятю – богатырю Ёксёкю	Актуализация проклятия

⁶ Захаров Т.В. Ала Булкун: олонхо. Якутск: Сахаполиграфиздат, 1994. С. 50.

⁷ Тимофеев-Теплоухов И.Г. Куруубай хааннаах Кулун Куллуустуур: олонхо. М.: Наука, 1985. С. 171.

⁸ Оросин К.Г. Ньургун Боотур Стремительный: олонхо. Якутск: ЯкГИЗ, 1947. С. 158.

⁹ Харитонов И.М. Кулдус Божо: олонхо. Якутск: Бичик, 2009. С. 113.

4.1. Биир сымбыт ханна сытыйбатай? ¹⁰	12	Где одно яйцо не протухало? ¹² (КБ) (т. е. 'везде да кто-нибудь погибал'. – С. М.)	Девушка Айталыын Куо	Оказавшись в затруднительном положении – любимому человеку	Побуждение собеседника к действию
4.2. Ол кэриэтэ биир сымбыт ханна сытыйбатай? ¹¹		Напротив того – одно яйцо где не протухало?	Богатырь Тойон Ньургун	«Мысли вслух» перед купанием героя в опасном озере	Побуждение себя к действию
5.1. Угүс тыл сымсах, аҕыйах тыл миньнигэс ¹³	10	Много слов – приторно, мало слов – вкусно	Богатырь Уол Дуолан	Сватовство героя	Обоснование поведения говорящего через указание на аксиоматическое утверждение
5.2. Угүс тылы этэrim сымсах буолуоҕа, аҕыйах тылы этэrim миньнигэс буолуоҕа ¹⁴		Если я много слов скажу, будет приторно, если мало слов скажу, будет сладко	Женщина айыы Айталыын Куо	Обращение к родителям при уходе героини из дома	

¹⁰ Андросова М.Н. Күлкүл Бөҕө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Имп. АН, 1909. Т. 1. Вып. 3. С. 251.

¹¹ Попов Н. Тойон Ньургун бухатыыр // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб., 1908. Т. 1. Вып. 2. С. 91.

¹² А.Е. Кулаковский пояснял: «Таким возгласом поощряет себя человек, решаясь на рискованное дело, сопряженное с опасностью для жизни... якутам хорошо известен факт, что ранняя перелетная птица, не успевшая вовремя свить себе гнездо, оставляет первое яйцо (*тангалайдаабыт сыммыт*) на произвол судьбы, которое, понятно, и сгнивает» [3 с. 122].

¹³ Нохсоров У.Г. Дьырай Бэргэн: олонхо. Якутск: Бичик, 2009. С. 153.

¹⁴ Андросова М.Н. Күлкүл Бөҕө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Имп. АН, 1909. Т. 1. Вып. 3. С. 225.

8.1. Дьахтар санаата аһынааҕар кылгас диэн - өс хоһооно, өһүк номоҕо ¹⁹	6	Мысль женщины короче ее волоса – такова пословица, притча на устах	Сказитель	Комментарий к поступку героини	Объяснение причины действий персонажа
8.2. Кыыс оҕо санаата аһынааҕар кылгас, өйө сонун сиэбинээбэр кыараҕас ²⁰		Мысль девушки – короче ее волоса, ум – уже рукава ее пальто	Мать невесты героя	Просьба извинить дочь за неучливое поведение	Оправдание действий героини

¹⁹ Андросова М.Н. Күлкүл Бөҕө оҕонньор Силирикээн эмээхсин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Имп. АН, 1909. Т. 1. Вып. 3. С. 245–246.

²⁰ Оросин К.Г. Нюргун Боотур Стремительный: олонхо. Якутск: ЯКГИЗ, 1947. С. 188.

Одним из наиболее употребительных в текстах якутского эпоса оказывается выражение «У хорошего человека – бедро с отверстием, [а] тело слоистое» / *Утүө киһи өттүгэ үүттээх, этэ саастаах*. Семантика этого выражения мотивирована идеей проницаемости человеческого тела, буквально – наличия в нем отверстий, через которые могут проникать внешние воздействия и, в частности, обращенные к индивиду слова. Источники дают и «негативный» вариант этого паремийного текста: *Этэ сааһа суох, угуоҕа үүтэ суох* ('Его тело без слоев, его кости без отверстий') – соотв. «Его пушкой не прошибешь» (говорится об упрямеце)²¹, *бүтэй кун киһи* – человек из одного замкнутого компактного куса мяса, *үүтэ-аана суох* – человек без входов и выходов; *этэ сааһа суох, угуоҕа кудаһына суох киһи* – человек с телом без волокон, с костями без желобков для кровеносных сосудов [3 с. 112–113]. Пути варьирования этой поговорки, имеющей двучленную структуру, могут быть представлены как «прощупывание» всех возможных комбинаций, включающих словесные пары *угуох* ('кость') – *эт* ('плоть') и *өттүк* ('бедро') – *сарын* ('плечо'). Структурирующими семами при этом выступают твердые/мягкие ткани скелета либо верхняя и нижняя части туловища соответственно.

Значимое отличие паремий от более объемных речевых форм (например, благопожелания, клятвы и пр.), обнаруживаемых в фольклорном повествовании, состоит в том, что здесь они не столько моделируются, сколько, как отмечал К.В. Чистов, «целиком вживляются» в текст [4 с. 62]. Однако «вживание» это, как показывает материал, может принимать различные формы. На примере приведенного пословичного выражения, представленного в записях олонхо в ряде вариантов, могут быть прослежены пути «встраивания» паремий в текст эпоса. Рассмотрим их несколько подробнее.

Паремия может появляться в структуре эпического текста в своем «исходном» виде. Например: *Кырбыытыыргын тохтот, / Кыһыйаргын сынньат, / Утүө киһи угуоҕа үүттээх, / Бэт киһи этэ саастаах дииллэр. / Буруйбун бырастыы гын*²² / 'Перестань скоблить, отдохни от почесывания. Говорят, у доброго человека кости с отверстиями, у хорошего человека тело слоистое. Прости мне мою вину' (перевод мой. – С. М.).

²¹ Эт // Словарь якутского языка. [Электронный ресурс]. URL: <https://sakhatyala.ru/translate?q=%D1%8D%D1%82> (дата обращения 01 марта 2019).

²² Митрофанов М.З. Уол Дуолан бухатыыр: олонхо. Якутск: Бичик, 2010. С. 77.

Помимо этого, паремийный текст может становиться частью фразы, например, обращения, теряя вид традиционного суждения и конкретизируясь в своем значении. В зависимости от смысла выражения оно может, например, включаться в локутивный акт просьбы. В результате усиливается функция побуждения адресата к действию в соответствии с декларируемой в пословице моделью: *Улуу Даарын бухатыыр / Үтүө киһи/Унуоҕун үүттээх буолуо./Бэрт киһи/Этинг саастаах буолуо. / Ытык тылбын ылын, / Дьоһун тылбын толкуйдаа*²³ / ‘Богатырь Улуу Даарын, / Добрый человек, / Имеешь, наверное, кости с отверстиями, / Отменный человек, / Имеешь, наверное, слоистое тело, / Священные мои слова прими, / Важные мои слова осмысли’ (перевод мой. – С. М.). Текст пословицы употреблен здесь сказителем для моделирования словно бы спонтанного высказывания персонажа. В то же время связь с «исходным» паремийным выражением остается довольно прозрачной.

Схожий случай – использование пословиц в конструируемых в тексте якутского эпоса речевых актах для обоснования действий говорящего. В этом случае текст паремии также может быть представлен как личное высказывание персонажа: *Үгүс тылы этэrim сымсах буолуоҕа, аҕыйах тылы этэrim минньигэс буолуоҕа* / ‘Если я много слов скажу, будет приторно, если мало слов скажу – будет вкусно’²⁴. В этом примере текст паремии выступает как сиюминутное прогностическое высказывание говорящего о результатах своих действий.

Несколько иные случаи представляют формульные выражения, основанные на текстах паремий. В одном из сюжетов находим: *Дьэ, бу хаалан олорон Айтальын-куо киэн көхсө сонун бэлэньигинээбэр кыараата, дэлэй-булас санаата саптааҕар синньээтэ, көгүл-булас өйө аһынааҕар кылгаата*²⁵ (графика модернизирована. – С. М.). ‘Ну, вот когда Айтальын Куо так осталась одна, широкая ее спина стала уже обшлага ее шубы, многочисленные ее мысли стали тоньше нити, вольные ее мысли стали короче ее волос’ (перевод мой. – С. М.). Существенно, что здесь смысл, изначально заложенный в текст паремии, модифицируется (ср. п. 8 табл.). Пословица, значение которой можно резюмировать как ‘женщина имеет слабый ум’, образует выражение, обозначающее совершенно другое явление

²³ *Шараборин М.Т.* Улуу Даарын бухатыыр: олонхо. Якутск: Бичик, 2008. С. 128.

²⁴ *Андросова М.Н.* Күлкүл Бөҕө оҕонньор Силирикээн эмээхин икки // Образцы народной литературы якутов, собранные Э.К. Пекарским. СПб.: Имп. АН, 1909. Т. 1. Вып. 3. С. 225.

²⁵ Там же. С. 235.

ние – чувство отчаяния, испытываемое персонажем²⁶. Вероятно, это произошло в результате интерференции паремийного текста с идиомой, имеющей схожую структуру: ‘Широкая подспинная полость сузилась, долгая мысль укоротилась’ (*Киэн көбүс кыарата, уһун санаа кылгаата*) – «так говорит постигнутый большим горем» [З с. 136].

Отмеченные случаи примечательны как примеры модификации пословичных выражений²⁷, осуществляемой путем адаптации исходной структуры паремии к сюжетным ситуациям эпоса. При этом в силу лаконичности формы и тесной спаянности составляющих паремии словесных групп модифицируется не столько их лексический состав, сколько грамматическая форма.

Употребление паремий в тексте олонхо так или иначе может быть интерпретировано как реализация одного из двух наиболее общих случаев. С одной стороны, имеют место афористичные описания актуальной сюжетной ситуации как типовой. С другой стороны, паремийные выражения, в своей семантике апеллирующие к некоторым аподиктическим закономерностям, применяются как средство аргументации. В этом отношении прагматика паремии не будет иметь значимых отличий от ее использования в повседневной разговорной речи носителей эпоса.

Вместе с тем функция паремийного текста в эпосе, как кажется, связана с восприятием их в традиции как своеобразных «слов прошлого». Посредством их введения в текст конструируется образ речи, удаленной от момента рассказывания во времени. Как известно, создание представления о значимом прошлом, события которого определили настоящее положение вещей, является одной из характерных функций героического эпоса. При учете этого свойства жанра, как кажется, проясняется причина столь активной представленности в его текстах паремийных выражений.

Одновременно с этим пословичные выражения в ситуации непрерывного рассказывания оказываются удобной опорой для сказителя в процессе текстуализации сюжета. Обращает внимание закреплённость паремийных выражений за конкретными эпическими темами. Довольно жесткая связанность прослеживается, в частности, между паремийным текстом № 1 и сюжетной

²⁶ Аналогичный пример – фраза благопожелания из текста олонхо: *Өтөх төһүргэһэ, сурт кыыма буолун!* / ‘Корнем усадьбы станьте, искрой жилища будьте!’ (См.: *Бурнашев Н.П.* Кыыс Дэбилийэ: олонхо. Новосибирск: Наука, 1993. С. 268–269) (перевод – там же). Ср. с ординарным видом пословицы: *Өтөх төһүргэстээх, сурт кэриэстээх* / ‘Заброшенное жилище имеет пень, останки жилища имеют память’.

²⁷ Ср.: *гиперактуализация* [2 с. 21].

ситуацией просьбы, обращаемой к герою, № 2 и ситуациями появления «чуда» в сюжете олонхо, выражением *Кыһыылаах тарбан, кыһалбалаах көрдөс* / 'Кто зудит – почешись, кто испытывает нужду – попроси' и темой богатырского сватовства. В этом отношении паремийные выражения выступают как своеобразные знаки этих сюжетных ситуаций, их редуцированное представление.

Наконец, в материале обнаруживаются единичные тексты с пословичной структурой, которые, однако, не находят соответствий ни среди паремий, встречающихся в записях эпоса, ни в фонде выражений, зафиксированных академическими словарями и сборниками. Это выражения: *Барбыт суол балыырдаах, кэлбит суол мэлдьэхтээх* / 'Дорога ухода обманчива, дорога прибытия переменчива'²⁸, *Ыстаал хатарыта суох буолбат, массьына угууноба суох барбат* / 'Стали без закалки не бывает, машина без смазки не едет'²⁹. Признаком, который позволяет атрибутировать их как выражения пословичного типа, становится лишь претензия на обобщенный характер суждения.

Тематика паремийных выражений, употребляемых в эпическом тексте, отражает специфическую систему ценностей, выражаемую жанром. Частотность их употребления в тексте эпоса, как кажется, объясняется стремлением к архаизации стиля и удобством, которое предоставляют клишированные выражения сказителю в процессе непрерывного повествования. Обращают на себя внимание случаи актуализации значения паремийных выражений и конструирования текстов, не имеющих в действительности укорененности в фольклоре. Устная традиция олонхо в этом отношении предстает как поле спонтанного экспериментирования по выработке новых единиц речи, которые со временем могли получать статус традиционных.

Литература

1. *Эргис Г.У.* Богатырский эпос якутов – олонхо // Нюргун Боотур Стремительный: якутское олонхо / Ред., пер., коммент. и вступ. статья Г.У. Эргиса. Якутск: Якгиз, 1947. С. 5–60.
2. *Жигарина Е.Е.* Современное бытование пословиц: вариативность и полифункциональность текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 25 с.

²⁸ *Давыдов И.М.* Тойон Ньргун: олонхо. Якутск: Бичик, 2003. Стк. 6016–6017.

²⁹ *Шараборин М.Т.* Улуу Даарын бухатыыр: олонхо. Якутск: Бичик, 2008. Стк. 8787–8789.

3. Кулаковский А.Е. Научные труды. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1979. 483 с.
4. Чистов К.В. Устная речь и проблемы фольклора // Фольклор. Текст. Традиция: Сб. статей. М.: ОГИ, 2005. С. 52–67.

References

1. Ergis GU. Olonkho – epic tales of Yakuts. In: *Nurgun Bootur the Swift: Yakut epic tale*. Yakutsk: Yakgiz Publ.; 1947. p. 5–60. (In Russ.)
2. Zhigarina YeYe. Modern functioning of proverbs: variation and polyfunctionality of texts [avtoref. dis. ... cand. filol. nauk]. Moscow, 2006. 25 p. (In Russ.)
3. Kulakovskii AE. Scholarly works. Yakutsk: Yakutskoe kn. Izd-vo Publ.; 1979. 483 p. (In Russ.)
4. Chistov KV. Oral speech and issues of folklore. In: *Folklore. Text. Tradition: coll. of articles*. Moscow: OGI Publ.; 2005. P. 52–67. (In Russ.)

Информация об авторе

Семен С. Макаров, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Россия; 121069, Россия, Москва, ул. Поварская, 25а; others3@mail.ru

Information about the author

Semyon S. Makarov, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science, Moscow, Russia; bld. 25a, Povarskaya st., Moscow, Russia, 121069; others3@mail.ru